

Сержант Пивий тосковал. И это отвратительное, в его понимании, чувство перемежалось с диким, практически яростным гневом, ненавистью ко всему, что окружало благородного сына Высоких Шпилей Сцинтиллы.

А ведь он с самого начала этой варповой операции предназначенной для захвата уже трижды проклятой захолустной планеты подозревал неладное. И зачем вообще Империи нужен этот шарообразный кусок камня, поросший километрами безвкусных ядовито-зелёных экскрементов? На нем ведь нет ничего кроме скользкой грязи, метровых луж и уродливой живности! Куда не глянь — харкнуть хочется, подобно крестьянам и фермерам с какого-нибудь агромира, а ведь нельзя — недолжно высокородному опускаться до уровня плебеев! Нужно было сжечь, да, определённо...

Ублюдки в креслах высшего военного совета крестового похода, чтоб их! Ну, нашли вы на ней недоразвитую племенную ксенорасу, виновную в собственном существовании, ну уничтожили вы все их примитивные поселения бомбардировкой с орбиты — зачем расквартировывать здесь войска-то, а?!

Хотя, стоило бы сказать, что Пивий, в отличие от всех остальных фузилёров, был наиболее морально и физически подготовлен к такому развитию событий. Да, он знал, что в венах сцинтиллийцев быстро разыграется непреодолимое стремление возглавить лишенный своего командира полк. Знал, потому что и сам всем сердцем желал занять место почившего полковника Астольфо.

Ведь то была его мечта — став полковником, возвысившись в иерархии Имперской Гвардии, он мог бы, наконец, плюнуть в лицо всем, кого так ненавидел. Сослуживцам, что были выше по званию, смотревшим на него свысока и остальным, кто недостаточно пресмыкавшимся перед его благородием, своим «друзьям» и врагам в Высоких Шпилях Сцинтиллы, но в первую очередь семье. Семье, которая бросила второго, на минуточку, сына аристократического рода Кисианцев в эту выгребную яму, называемую Гвардией!

Но куда ему — сержанту, все, что он мог — подать свой голос за кандидатуру из числа наименее неприятных для него личностей из числа высшего офицерского состава.

Однако жаркие споры о том, кто более всех достоин, взять управление сцинтиллийцами, нередко переходящие в неприкрытую брань и прочие оскорбления, так ни к чему и не привели. Полк вот уже несколько дней оставался без командира, и дабы, наконец, закрыть этот вопрос командование флота распорядилось предоставить этого самого командира. Кого — пока что было неизвестно.

Сказать, что высшим офицерам Пехотного это не понравилось — ничего не сказать, да что уж, некоторые индивиды из числа высшей аристократии Сцинтиллы готовы были при первой возможности разорвать и унижить назначенца, в скором времени долженствующего прибыть на планету.

— И всё же, — тихо проговорил сержант Пивий, стоя на шаг впереди своего отделения в

стандартном приветственном построении. — Кем будет этот человек — грязным крестьянином с безызвестной планеты или таким же, как и они, чистокровным аристократом какого-нибудь города-улья?

Сержант усмехнулся одними краешками тонких, всегда налитых кровью губ, наследием его матери. В любом случае, этот человек не продержится среди них, Сцинтиллийских Фузилёров, слишком долго — максимум неделю, может, две. А потом он уйдет, так или иначе, и всё начнётся сначала: интриги, подкупы, угрозы. Всё было предрешено... Да, он был в этом уверен...

Комиссар-полковник Лютер де Канн тяжело вздохнул, прикрыв тяжёлые от недосыпа веки. Шея умудренного жизнью в условиях вечной войны человека издала громкий хруст, отчетливо слышимый даже сквозь гул двигателей старой-доброй «Валькирии».

Шестидесяти шестилетний комиссар помассировал рукой единственный оставшийся глаз, борясь с не желающим его покидать сном. Выглядевший старым, немощным и слабым в силу своего от природы не шибко умасленного мышцами тела, Лютер на деле обладал не дюжей силой, а главное — леденящим души гвардейцев характером. Жесткий в общении, строгий в приказах, однако в душе — любящий своих подчинённых. Он не разменивался по мелочам, не делал различий в званиях и родословной — для комиссара-полковника все, кто несут Свет Бога-Императора в сердце и добросовестно выполняют поставленные задачи, являются людьми высшей пробы. Теми, с кем не стыдно погибнуть спина к спине, стоя на горе трупов в окружении врагов Императора.

Вдруг транспортный самолет накренился чуть влево, скрипя всем корпусом, а затем вокс-передатчик, установленный в десантном отсеке заговорил голосом Зика Шульца, пилота Аэронавтика Империалис, а по совместительству и его личного:

— Господин комиссар-полковник, готовность к посадке: пять минут и тридцать секунд.

Лютер де Канн лишь мелко кивнул, сквозь иллюминатор в очередной раз подивившись той природной красоте, что простиралась за горизонт этой планеты. Родившись в семье майора СПО на Кайцидоне Секундус — мире-смерти в Сегментуме Пацификус, представляющим из себя обширные скальные плато, изрезанные расколами в породе, словно рубцами, он никогда не видел ничего, что отличалось бы по цвету от серости будней его родины. Для него эта планета, названная обыкновенной буквенно-цифровой манерой адептов Механикус, была сродни глотку терпкого, живительного рекафа.

Отвлекаясь от созерцания этой безмятежной красоты, комиссар повернул голову чуть левее, воззрившись на тех, с кем он прошёл через огонь, воду и медные трубы. Эти Люди, да — именно Люди с большой буквы, достойнейшие из всех, кого он знал и с кем сталкивался по долгу службы.

Скрытые тяжелыми двубортными шинелями из драпа черного цвета, они безмолвно и практически недвижимо сидели на своих местах. Истинные лица, на самом деле принадлежавшие шестнадцатилетним юнцам, скрыты обликом смерти, застывшим слоем агатового металла на масках противогазов. Живые мертвецы, гренадёры Корпуса Смерти Крига. Личная рота комиссара-полковника — семь сотен ветеранов, достаточно упрямых, чтобы не погибнуть в нескольких последовательных мясорубках. Корящие себя за деяния проклятых и забытых предков — в глазах де Канна они были вернейшими из верных. Их ему передал знакомый майор Корпуса, когда завершилась компания по освобождению одного города-улья, длившаяся три года. Подарок в знак бесконечного уважения одного слуги Повелителя Человечества, другому.

«Валькирия» пару раз покачнулась, переваливаясь с боку на бок и замедлилась, через мгновение соприкоснувшись с поверхностью планеты.

Гвардейцы Крига все, как один подорвались с места, в несколько движений отстегнув ремни безопасности, а затем вновь замерли в ожидании приказов.

— Идёмте, лейтенант, — улыбнулся Лютер де Канн своему заместителю, практически неотличимому от остальных. Благо комиссар пробыл с Корпусом достаточно долго, чтобы подмечать в униформе гвардейцев некоторые особенности, у лейтенанта это была серебряная аквила на лобовой проекции шлема. — Не будем заставлять ждать наших подопечных...

Увидев небольшой утвердительный кивок лейтенанта, он махнул рукой в немой команде «На выход» и, проследовав к аппарели десантно-штурмового носителя, выбрался наружу.

Атмосфера на плацу, где развернулся 574-й полк, несколько накалилась, когда в воздухе повис нарастающий рев движков приближающейся «Валькирии». Каждый, от последнего рядового до капитана, сощурил глаза из-за палящего света местного солнца, смотрели на приближающуюся машину со святыми символами Астра Милитарум и Оффицио Префектус на фюзеляже. И вот она соприкоснулась с поверхностью планеты.

Сержант Пивий со смесью невольного напряжения и раздражения от излишнего шума вглядывался во тьму чрева транспорта, больше не скрываемую медленно опускающейся аппарелью.

— И кого же к нам принесло?.. — слышалось шептание слева сзади, он узнал этот голос, он принадлежал рядовому Киймену.

— Вы тоже это видите?! — донеслись из стройных рядов взволновано-паникующий возгласы.

— Ага, — прошептал кто-то ещё над чутким сержантским ухом. — Что здесь забыл Комиссариат?!

Пивий разгневано повернул голову назад, сверкнув хищными глазами лучезарно-синего оттенка.

— Молчать! — шикнул он на «своих» сцинтиллийцев, внутренне ощущая приливающую к сердцу радость от возможности командовать нижестоящими. — Не хватало мне только привлечь к себе внимание выходца из Схолы!..

Тем временем из мрака, сверкая аугментом левого глаза, походкой скромного человека вышел высокий, под метр девяносто пять, мужчина в комиссарской форме. А за ним маршевым шагом с идеальной, почти машинной синхронностью вышли одетые в тяжелые чёрные шинели люди, отблёскивая смотровыми линзами противогазов на солнце...

— Бог Мой Император, — проблеял кто-то. — Что за... Кто это?

— Сам не понимаю! — ответили с другого конца, срываясь на крик. — Кто-нибудь узнаёт униформу?..

— О, Трон, какая безвкусица, — пролепетали писклявым голосом, что куда больше походил на женский. — И что за намордники у них на рожах, что за бесформенные грязные тряпки вместо респираторов?

— Ха-ха! — хохотал ещё один, его голос был похож на поросёнье хрюканье. — Эти идиоты что, не знают, как подобает одеваться почётному караулу?

— Да какой «почётный караул»?! — сквозь смех вопрошал гвардеец слева от Пивия. — Эти гретчины, верно, прямиком из какой-нибудь галактической дыры в Сегментуме Пацификус!

Даже высший офицерский состав, как мог видеть сержант Пивий, выражал на напудренных лицах лёгкие, но хорошо скрываемые нотки презрения к комиссару и его сопровождению.

— Всем замолчать! — почти одновременно топнули ногами несколько младших офицеров, подчинившись непосредственной указке старших по званию, что в конечном итоге соизволили успокоить начавшийся балаган.

Пивий стоял в центре импровизированного смотрового построения, когда старый на первый взгляд, представитель Оффицио Префектус остановился в нескольких метрах от него. Его фигура, укрытая черным плащ-пальто с некогда золочёнными, однако давно выцветшими эполетами, мундиром и характерной конической фуражкой возвышалась над строем 574-го Пехотного полка Сцинтиллийских Фузилёров мрачной статуей давно почившего святого. Лицо прилетевшего «гостя», как успел разглядеть сержант, ничем особенным не выделялось. В нем не было ровным счетом ничего от хоть сколь-нибудь аристократического рода: прямой нос, чуть пухлые, белёсые губы, безобразный шрам, тянувшийся от центра правой щеки куда-то на нос и общая рабоче-крестьянская худоба вкупе с простотой дряхлого старика. Посредственность, что тут скажешь?

Тишина, зависшая над плацем как стодневный замороженный кисель, тянулась уже очень долго, даже слишком, нарушаемая только лёгким шумом ветра и редкими шепотками где-то в глубине строя гвардейцев. Но комиссар всё же соизволил заговорить, тихо, почти неслышно, посмеиваясь. Однако говорил он далеко не с фузилёрами и их офицерами, а...

— Ох, — с горечью выдохнул Лютер де Канн, закрыв глаза на мгновение, неожиданно для большинства гвардейцев заговорив со стоящим по его правую руку солдатом, вычищенная аквила на шлеме которого слепила аристократов. — Да-с, лейтенант, горько же нам придётся.

Неназванный по имени солдат ничего не ответил на утверждение своего господина, так, будто в этом он не видел никакой необходимости! Комиссар же, не предав значения, продолжил говорить, на сей раз обратившись к фузилёрам:

— Я, комиссар-полковник Лютер де Канн, прибыл в расположение 574-го Пехотного полка Сцинтиллийских Фузилёров, — начал он, значительно повысив громкость голоса. — И что же я здесь вижу?! — за ту секунду, что прошла с начала речи де Канна, сержант Пивий смог отчётливо разглядеть, как одинокий глаз старика налился вечным холодом — Строй выхоленных, лоснящихся свиней, недостойных купаться в лучах света этой прекрасной звезды, вот что я увидел! Я надеялся увидеть дисциплинированных и прекрасно обученных воинов Повелителя Человечества, но увидел жалких ничтожеств, дезорганизованное стадо сквигов, ржущих невпопад, когда перед ними стоит уполномоченное лицо Комиссариата! Тупорылые идиоты!

Сержант еле устоял на ногах — слова этого дряхлого маразматика в одно мгновение пошатнули гордость всех аристократов — гнев начал подниматься из глубин души, клокоча уже где-то в районе глотки.

— Бог-Император мне свидетель, тупорылые идиоты, да мне легче будет вас всех расстрелять как дезертиров, чем вылепить из вас, вонючего дерьма, хоть что-то отдалённо напоминающее гвардейцев Астра Милитарум! — Лютер де Канн продолжал методично вбивать в крышку гроба гордости сцинтиллийцев острые, как зубья пилы, нелицеприятные выражения. — Сейчас вы — никто, мусор под их ногами!

Тут этот ублюдок-комиссар плавным жестом, демонстрирующим уважение, показывает на этих, этих... воняющих химией крестьян! Да как он посмел ставить их выше нас, это непростительно даже для него!

«Вот же паскуда... — сержант Пивий чувствовал, как буря неопишуемой ярости уже вот-вот вырвется из его рта, обращенная в слова брани и проклятий. — Он, он... Да кто он такой, смерд, чтобы говорить нам такое!»

Но тут вперед всех вышел капитан Шон Рейнес Перрион Первый, Наследный сын дома Перрион, Надежда Великого рода, Лучший-из-Шестнадцати и ещё с пол десятка титулов. Элегантная грива его распущенных светло-пшеничных локонов, опускавшихся с плеч и до пояса, навивала всем присутствующим сынам и дочерям Сцинтиллы о родных Высоких Шпилях, выкрошенных в подобные тона.

Своими прекрасными во всех отношениях глазами цвета занимающейся зари, он обвёл стоящих истуканами гвардейцев, прибывших вместе с представителем Префектус и заговорил с воркованием снегиря:

— Уважаемый комиссар де Канн, мне, впрочем, как и всем присутствующим здесь, не совсем понятны претензии брошенные в адрес нашего величественного полка, полного прекрасных дам и джентльменов, — прощепетал он, заставив сердца фузилеров, полные слепого бахвальства расцвести пуще прежнего. — Не могли бы вы, уважаемый комиссар, — последнее слово было полно яда презрения — объясниться мне, как капитану 574-го Пехотного сцинтиллийского полка?

Вопреки нарочитой дерзости брошенного ему вызова, матерый комиссар сохранил свое холодное непроницаемое лицо. В душе, он прямо сейчас готов был разорвать нахального хлыща перед ним голыми руками, но вместо этого медленно, с любовью поглаживая кобуру болт-пистолета и проговария про себя литанию его духу машины.

— Для тебя, шлюший сын, комиссар-полковник Лютер де Канн, — холодно произнес слуга Золотого Трона, уже вынимая оружие из кобуры. — А, впрочем, зачем мне отвечать тому, кто через пять секунд будет мертв?..

Внезапно на лице Шона-как-тебя-там заиграли микроскопические, почти невидимые нотки прсыпающегося страха, а затем и ужаса... И он закричал, что было сил.

— Э-э-э, стой! С-стой! Подождите, к-комиссар!.. — умолял он, но его не слушали.

Гордые сыны и дочери Высоких Шпилей с зарождающимся трепетом наблюдали за разворачивающимся действием, и никто ничего не делал. Слова заготовленных проклятий безвозвратно потонули в океане паники, полностью овладевшем их телом. Каждый сцинтиллиеца наблюдал как губы старого комиссара на мгновение приоткрываются, а затем вновь закрываются, методично отсчитывая уготованный для капитана срок жизни.

-...Три. Два. — тут Лютер прервался больше чем на секунду, дабы с отвращением понаблюдать, как в последние мгновения жизни убежденные штаны капитана пачкаются желтой жидкостью в районе паха, шустро расплзающейся огромным пятном. — Один!

Длинный указательный палец комиссара нажал на спусковой крючок, позволяя болт-пистолету известить округу резким ревом выстреливших из канала ствола газов. Активно-реактивный болт даже не успел запустить собственный мини-двигатель, прежде чем попал аккурат в лоб назойливой мухе, возмнившей себя человеком!

Разорвавшись где-то внутри головы, снаряд завершил свою задачу. Благодаря ужасающей энергией взрыва остатки мозгов окропили позади стоящих фузилеров. Некоторые особо впечатлительные умудрились издать почти девчачий писк или вовсе попадать в обморок.

— Боже-Император, помоги мне, — со стариковской усталостью в голосе проговорил Лютер.

- Наставь этих бестолочей на праведный путь, ибо не ведают они, что творят...

Минутный шок, заложенный в психику любого человека, прошел, когда первые из высших офицеров в панике, трясущимися в мандраже руками, потянулись к пристегнутым у бедра кобурам за своими лаз-пистолетами, семейными шашками и прочим барахлом, что было у них в этот момент под рукой. После чего повидавшие всякое уши комиссара заложили истеричные визги:

— М-мразь! К-как посмел, мутантов выродок! — кричал один, вроде как лейтенант.

— Урод, мы тебя, как грокса выпотрошим! — кричал второй, с тем же званием на погонах.

— Выкуси, скотина! — неожиданно выкрикнул третий из числа сержантов, метнув заранее заготовленный для таких случаев украшенный всяческими завитушками нож.

Пивий с противоречивыми друг другу эмоциями наблюдал как холодное оружие летит в оскорбившего их честь выходца Схолы Прогениум. Одним из первых, он осознал, что его глаза расширились, словно блюдца, когда он увидел, как один из сопровождающих комиссара солдат молниеносно, в один широкий шаг, загородил того своим телом.

В абсолютной тишине, рожденной после режущего уши возгласа, раздался один чавкающий и чиркающий звук, исчезнувшей во мгновение ока.

Сцинтиллийские Высокорожденные с шоком, не способным укрыться даже за, казалось бы, подготовленными ко всему лицами аристократии, смотрели на то, как гвардеец прикрывший своего господина даже не шелохнулся. Он бездвигно, словно призрак, стоял с высоко поднятыми плечами и ровно дыша, пока его тело, а именно правая сторона груди приняла в себя лезвие ножа по самую рукоятку.

Сержант Пивий стоял, потерявшись в словах, все мысли покинули разум, когда ему открылась эта сцена. И он был не один, видя как все без исключения сцинтиллийцы взирают на это безумие. Безумие, что было исполнено с холодной, присущей сервиторам, решимостью и безаппеляционностью. Впервые в своих недолгих жизнях дети планетарной элиты запечатлели обреченную храбрость живых мертвецов, что даже храбростью нельзя было назвать. Стремление к смерти во спасение себя и своего давно мертвого мира от грехов... Им довелось в живую узреть Путь Крига.

— Гвардеец-49-42/3, — слышалось от до этого момента беззвучно стоящего де Канн, в его голосе не было даже намек на беспокойство, только...веселье. — На твоём месте я не стал бы вынимать оружие из тела.

— Вас понял, господин комиссар-полковник. — абсолютно мертвым голосом, без тени эмоций

ответил гвардеец, обернувшись к Лютеру.

Де Канн похлопал истинного сына Крига по плечу и аккуратно, практически с отеческой заботой, отодвинул его чуть в сторону, чтобы пройти к молчавшим фузилерам.

— Лейтенант, — Лютер секунд десять смотрел на до сих пор полные ужаса и шока лица сцинтиллийцев, прежде чем обернулся к заместителю и выразительно один раз качнул головой в их сторону. — Действуйте...

Правая рука де Канны вновь ничего не ответила, ограничившись все тем же излюбленным легким кивком и отдачей чести комиссару. А затем его сухой, явно не привыкший к разговорам голос явил себя окружающим:

— Пехотинцы: с 34-11-493 по 97-00-1/3, открыть огонь на поражение! — изрек он, но пораженные фузилеры опомнились слишком поздно. — Цели: высший офицерский состав, весь!..

Стройные ряды безмолвных проклятых сынов развернулись в двойную шеренгу. Мгновение! Передний ряд в едином порыве встает на одно колено, второй в это время прицеливается в находящихся в прострации офицеров из хот-шот лазганов. Первый ряд со стопроцентной точностью копирует движение второго ряда, совершенное у них над головами.

И лейтенант произносит единственное короткое «Огонь», тем временем целясь из лаз-пистолета в одного выхуленного тезку по погонам.

Комиссар-полковник Лютер Де Канн смотрел на оплавливающиеся, разрывающиеся в кровавый пар тела высшего командного состава 574-го Пехотного Сцинтилийского и глубоко вдыхал свежий воздух, ничуть не отягощенный привкусом железа и жаренного мяса, витающего в воздухе. Хотя первое впечатление об этом подразделении было невозвратно испорчено, слуга Бога-Императора и его сподвижники смогут приучить его к дисциплине и преданности. Все было предрешиено. Да, он был в этом уверен...

З.ы. Данная глава написана не мной, а моим соавтором. Пожалуйста оцените его труд))

<http://tl.rulate.ru/book/53899/1408924>